

Шэнь Цинчи не ожидал, что Шэнь Фан настолько точно поймет его мысли. Его лицо просияло: — Можно поехать куда угодно?

Шэнь Фан ответил: — Слишком далеко нельзя — боюсь, не успеем вернуться до конца дня. Слишком близко к Шэнь Цзину нельзя — опасно, он может нас заметить. Торговые центры и подобные места лучше обходить стороной, если хочешь что-то купить — я сам потом схожу и принесу. Кроме этого — выбирай любое место.

Шэнь Цинчи задумался. Мест для выбора казалось много, но на деле везде подстерегал риск. Каждая лишняя минута на улице повышала шансы быть пойманными; никто не знал, где именно Шэнь Цзин расставил свои глаза и уши.

Хорошенько всё обдумав, он решил не создавать Шэнь Фану лишних хлопот. Он возлагал на него все надежды в деле свержения клана Шэнь, поэтому не было нужды рисковать из-за таких пустяков.

Тогда он сказал: — Я... можно мне посмотреть твой караоке-клуб, дядя?

Это предложение стало для Шэнь Фана полной неожиданностью. Он думал, что Шэнь Цинчи попросится в ресторан или захочет прогуляться по территории Цинского университета, но никак не ожидал услышать про караоке.

Он посмотрел на него в зеркало заднего вида: — Почему именно туда?

— Мне кажется... везде в другом месте будет не очень хорошо. Мы же сегодня сбежали тайком, и если случайно столкнемся с людьми Шэнь Цзина, всё будет кончено. А в твоём караоке-клубе должно быть безопаснее.

Услышав это, Шэнь Фан невольно вздохнул про себя.

Этот Шэнь Цинчи... до чего же он рассудительный, аж сердце сжимается.

В его памяти этот ребенок с самого детства был невероятно послушным. Даже переходный возраст прошел тихо и незаметно, без единого намека на бунтарство.

Хорошие оценки, примерное поведение, приятная внешность — любой родитель носил бы такого ребенка на руках, хвастался им перед всеми и гордился тем, что у него «идеальный ребенок», как у соседей. Но вот незадача — ему пришлось расти в клане Шэнь.

Если бы в свое время они не перепутали детей, и Шэнь Цинчи вырос бы в своей родной семье, то, возможно, его жизнь сложилась бы куда лучше.

Шэнь Фан постучал пальцами по рулю и нарочито легкомысленно сказал: — Конечно, безопаснее места, чем мой клуб, не найти. Только вот... это место не для таких «хороших мальчиков», как ты. Ты уверен?

— Я... я просто хочу взглянуть, я там ни разу не был, — Шэнь Цинчи явно занервничал и принялся теревить пальцы. — Караоке — это ведь просто место, где поют песни? Когда закончились выпускные экзамены, наш староста приглашал всех в караоке. Я хотел пойти, но Шэнь Цзин и остальные меня не пустили.

Шэнь Фан покачал головой.

Настоящий наивный ребенок.

— Хорошо, — сказал он. — Но когда приедем, делай всё, как я скажу, и не болтай лишнего.

Шэнь Цинчи принялся усердно кивать.

От Цинского университета до клуба было недалеко. Шэнь Цинчи только успел насладиться прохладой кондиционера, как они уже были на месте.

В августовский полдень стояла изнуряющая жара. Шэнь Цинчи прикрыл глаза ладонью от слепящего солнца, поднял голову и подумал, что внешне клуб ничем не примечателен.

Он оглядывался по сторонам, как вдруг сверху на него легла тень — Шэнь Фан нахлобучил ему на голову бейсболку и прижал ладонью, заставляя смотреть в пол.

Шэнь Цинчи мгновенно всё понял, натянул козырек пониже и, опустив голову, пошел вперед.

Как только они вошли, девушка на стойке регистрации радостно поприветствовала их: — Господин Шэнь, вы пришли? Мы вас несколько дней не видели, только вспоминали. Что сегодня пожелаете для развлечения?

Шэнь Фан положил руку на плечо Шэнь Цинчи, притянул его ближе, словно обнимая, и ответил загадочной улыбкой: — Нет, сегодня я со своим.

Сказанные низким, ленивым голосом, эти слова приобрели оттенок двусмысленности, и в такой обстановке трудно было не пуститься в фантазии.

Девушка понимающе усмехнулась и с любопытством оглядела Шэнь Цинчи, явно пытаясь понять, каков же вкус у Шэнь Фана: — Как обычно, в старое место?

Шэнь Фан кивнул и добавил: — И принеси нам поесть. Не хочу, чтобы мой малыш остался

голодным.

Девушка просияла: — Без проблем, господин Шэнь.

Шэнь Цинчи хранил молчание и не решался поднять глаз, послушно следуя за Шэнь Фаном вверх.

Из-за того, что Шэнь Фан обнимал его за плечо, кожа у него на шее уже покраснела, а румянец пополз к ушам и щекам.

Войдя в кабинку, Шэнь Фан тут же отстранился, чтобы закрыть дверь. Увидев его раскрасневшееся лицо, он почувствовал неловкость и кашлянул: — Ну, это... жарко? Сейчас включу кондиционер.

— Дядя, — Шэнь Цинчи наконец поднял голову, снял бейсболку и начал суетливо осматриваться, лишь бы не смотреть на Шэнь Фана. — Ты же... говорил, что в караоке безопасно, почему... здесь тоже нужно играть?

— А, ну да, — Шэнь Фан сел на диван и потер переносицу. — Безопасно — это одно, но нужно же поддерживать... ну, как вы, молодежь, говорите, имидж? У меня нет желания объяснять каждому встречному, какой я человек на самом деле. Чтобы избежать проблем и лишних рисков, лучше придерживаться созданного образа.

Это объяснение было на удивление терпеливым. Шэнь Цинчи обдумал услышанное и кивнул: — Я понял.

Шэнь Фан выдохнул.

Он всё еще не хотел пугать этого ребенка. Хотя Шэнь Цинчи был наивен, он не был глупцом — он прекрасно мог догадаться, что значили слова, сказанные перед стойкой.

Было замечательно, что этот ребенок готов его понять.

Однако следующие слова Шэнь Цинчи застали его врасплох. Покрасневший юноша запинаясь произнес: — То... тогда я тоже должен подыграть тебе, дядя, верно?

Шэнь Фан: — Хм?

Шэнь Цинчи крепко сжал в руках бейсболку, всё его тело напряглось: — Разве ты не это имел в виду... что я должен играть роль твоей... твоей «игрушки»?

Шэнь Фан: — ...

Если на выпускных экзаменах было задание на понимание прочитанного, то этот ребенок точно получил бы высший балл.

Сам-то он таких требований не выдвигал.

Этот вопрос поставил Шэнь Фана в тупик. Он не знал, что ответить, и уже хотел сказать: «Не нужно, здесь больше никого нет», как услышал, что Шэнь Цинчи глубоко вздохнул, словно приняв важное решение: — Дядя, не смущайся. Я могу. Попроси меня играть кого угодно — я не доставлю тебе хлопот.

Шэнь Фан застыл.

Только сегодня он понял, что умение понимать других не всегда является достоинством.

Шэнь Цинчи набрался смелости, сел на диван рядом с Шэнь Фаном — сначала в дальний угол, но потом начал придвигаться ближе, и еще ближе.

Расстояние между ними сокращалось. Шэнь Фан во все глаза наблюдал, как покрасневший юноша прижимается к нему, и по какой-то причине не сделал ни попытки остановить его.

Он будто попал в странное состояние: разум твердил, что нужно немедленно отодвинуться, но тело сделало совершенно иной выбор.

Он ожидал приближения Шэнь Цинчи. Даже зная, что этот юноша лишь старательно играет свою роль, он не хотел его отталкивать. Это было похоже на то, как кошка ластится к человеку только ради угощения — человек знает об этом, но всё равно жаждет этих коротких мгновений, когда можно погладить кошку, наслаждаясь мягкостью и теплом её шерсти.

Шэнь Цинчи придвинулся вплотную, медленно поднял руку, осторожно обвил его шею, затем добавил вторую, повиснув на нем всем телом. Он поднял взгляд — глаза его затуманились, а искусанные красные губы слегка приоткрылись: — Так... так хорошо, дядя?

Шэнь Фан судорожно вдохнул.

Разум снова подал сигнал тревоги — он чувствовал, что если сейчас же не отстранит Шэнь Цинчи, то окончательно потеряет человеческий облик.

В этот момент в дверь некстати постучали: — Господин Шэнь, ваш обед.

Рука Шэнь Фана, которая уже была готова оттолкнуть юношу, замерла, вместо этого легла ему на затылок, прижимая к себе. Он крикнул в сторону двери: — Входи.

Официантка внесла поднос, бросила двусмысленный взгляд на «тесно контактирующих» мужчин, поставила еду и с улыбкой попятилась: — Приятного аппетита.

Она поспешно вышла из комнаты, напоследок деликатно прикрыв дверь.

Шэнь Цинчи продолжал прижиматься к Шэнь Фану. Тот не отпускал его, и он послушно оставался на месте. Как только официантка ушла, Шэнь Фан помог ему выпрямиться: — Ты в порядке?

Шэнь Цинчи покачал головой, немного отстранился и коснулся рукой шеи, к которой только что прикасалась ладонь Шэнь Фана.

У дяди очень горячие руки.

Шэнь Фан перевел дыхание. Мысль о том, чтобы «перестать быть человеком», немного отступила из-за вмешательства официантки. Он слегка кашлянул: — Ешь давай. Уже был час дня, а они оба ещё не обедали. Шэнь Цинчи действительно проголодался настолько, что подвело живот, и он решил пока отложить игру в «испытание дяди» до окончания трапезы. Сбавив обороты, он сказал Шэнь Фану:

— Едим вместе.

Официант, похоже, и вправду боялся, что ребёнок останется голодным, и принёс целую гору всего: жареную курицу, пиццу, картофель фри и прочее, а вдобавок — гору снеков, словом, всё в лучших традициях караоке.

Разумеется, не обошлось без алкоголя и мороженого.

Шэнь Цинчи сначала съел мороженое, пока оно не растаяло, а заметив, что Шэнь Фан сидит без движения, посмотрел на него:

— Дядя, ты не голоден?

— Хм... Ешь своё, не обращай на меня внимания, — ответил Шэнь Фан.

— А это довольно вкусно, — Шэнь Цинчи зачерпнул ложку мороженого и протянул к губам Шэнь Фана. — Дядя, хочешь попробовать?

Шэнь Фан покосился на эту ложку, глянул на уже использованное орудие и совершенно не мог понять, о чём вообще думает этот ребёнок.

Он вежливо отказался от «кормления» из рук Шэнь Цинчи:

— Дядя такое не любит, ешь сам.

— Оу. — Шэнь Цинчи с некоторым разочарованием опустил руку, будто сожалея, что Шэнь Фан не сможет насладиться столь восхитительным лакомством.

Шэнь Фан не знал, смеяться ему или плакать.

Он действительно не мог постичь, как Шэнь Цинчи в такой грязной обстановке клана Шэнь смог вырасти настолько наивным и чистым?

До того милым, что ему просто не хватало духу запятнать эту чистоту.

Шэнь Цинчи в одиночку доел мороженое, а затем принялся грызть жареную курицу, совершенно не замечая, что взгляд Шэнь Фана по-прежнему прикован к нему.

Из каждого блюда он попробовал всего понемногу, оставив остальное Шэнь Фану. Но жареная курица пахла так аппетитно, что он не удержался и съел на пару кусочков больше. Желудок слегка переполнило, и тогда он облизал пальцы и сказал Шэнь Фаном:

— Дядя, я наелся.

Шэнь Фан сделал глоток пива из банки и пододвинул к себе оставшуюся пиццу:

— Угу.

Шэнь Цинчи поднялся на ноги, собираясь сходить в уборную, но едва встал, как его почему-то качнуло, и он чуть не упал.

Шэнь Фан поддержал его:

— В чём дело?

— Голова... немного кружится, — сбивчиво пробормотал Шэнь Цинчи, и его слова стали менее отчётливыми. — Наверное... надуло кондиционером.

Шэнь Фан нахмурился, провожая его взглядом до уборной, откуда тот через долгое время вышел шатаясь.

Пока мыл руки, Шэнь Цинчи уже разучился ходить прямо. Шэнь Фан понял, что дело неладно, поспешил поддержать его и, приблизившись, уловил слабый запах алкоголя. У него тут же возникло дурное предчувствие:

— Что ты пил?

— ...Чё? — Шэнь Цинчи поднял голову и посмотрел на него затуманенными глазами. — Да... газировку пил.

Газировку?

Шэнь Фан быстро усадил его обратно на диван, взял стоявшую на столе стеклянную бутылку из-под «лимонада», в которой почти ничего не осталось, и, рассмотрев её, судорожно втянул воздух.

Какая к чёрту газировка.

Чистой воды алкоголь!

В караоке вечно подают спиртное, по внешнему виду и вкусу до боли похожее на безалкогольные напитки. С непривычки градус совсем не ощущается, напиться можно в два счёта, да и хмель потом настигает ого-го как.

Он и сам только что не уследил, что официант принёс такую бутылку, наверное, вдогонку к его собственным словам о том, что они пришли повеселиться.

Шэнь Фан жутко досадовал, ругая себя за то, что внимательно всё не проверил. Шэнь Цинчи никогда бывал в караоке, понятия не имел о тамошних подвохах с этой «газированной» и уж точно не мог защититься от подобного.

Он прижал Шэнь Цинчи к дивану и велел:

— Ты напился, сиди смирно и не рыпайся.

— М-м... напился? — Щёки Шэнь Цинчи покраснели, и он растерянно посмотрел на него. — Я не пил алкоголь, дядя, я пил только газировку.

— Это не газировка, это спиртное.

— Правда?.. — Шэнь Цинчи приложил тыльную сторону ладони ко лбу. — Но на вкус же чистый лимонад...

— Хватит тут сидеть, поехали домой.

Шэнь Фан решил досрочно завершить сегодняшний выезд и потянулся за пиджаком, висевшим на спинке дивана.

Шэнь Цинчи, до этого казавшийся таким послушным, услышав это, вдруг нахмурил изящные брови и вцепился в воротник его рубашки:

— Дядя, я не хочу домой.

Шэнь Фан только поднялся на ноги, и этот неожиданный рывок застал его врасплох: потеряв равновесие, он чуть не рухнул прямо на парня, в панике уперся руками в спинку дивана и ошеломленно уставился на того, кто сидел перед ним.

У Шэнь Цинчи обиженно покраснели глаза, а голос слегка задрожал:

— Я не хочу домой, дома меня будут только контролировать, я не хочу возвращаться... Зачем так со мной поступать, что я сделал не так, дядя? Почему... почему меня посадили под домашний арест, почему позволили Чжоу Ванъяню занять моё место в университете? Шэнь Фан хотел заставить его разжать пальцы, но слова, обрушившиеся на него столь неожиданно, заставили его замереть на месте, совершенно забыв о том, что он собирался сделать.

— Чжоу Ванъянь... хочет поступить в Цинский университет, он может остаться на второй год и пересдать экзамены в следующем, я могу учить его, помогать ему с повторением, но почему обязательно нужно заменять меня? Я ведь тоже упорно учился и сдал экзамены, почему мне нельзя идти учиться? Разве мои старания не в счёт? Почему всё, что у меня есть, должен забирать он только потому, что я не родной сын мамы и папы?

— Раньше я его не ненавидел. Я знаю, что он их настоящий сын, а я всего лишь пришелец, занявший чужое гнездо. Я был готов вернуть ему то, что должно принадлежать по праву, и даже уйти из клана Шэнь, отказавшись от всего. Но почему именно это? Только этим я не хочу делиться! Разве я могу не отдавать это ему, дядя?

– ...Шэнь Цинчи, – Шэнь Фан крепко сжал тонкое хрупкое запястье юноши. – Ты изначально не должен был ничего отдавать. Ты им ничего не должен, всё это по праву твоё.— Но почему они так не думают? — Дыхание Шэнь Цинчи участилось, словно ему не хватало воздуха, а щеки покраснели еще сильнее. — Дядя, почему их отношение отличается от твоего, почему только ты так добр ко мне?

Шэнь Фан на мгновение лишился дара речи.

Спросив себя, он понял, что на самом деле не сделал для Шэнь Цинчи ничего особенного — просто по мере сил протянул руку помощи, предложил небольшую поддержку.

Все те дни, что Шэнь Цинчи провел в его доме, он вел себя послушно и кротно, практически никогда не выказывал сильных эмоций. Пожалуй, только когда он был пьян, он позволял себе высказать те горечь и обиду, что прятал глубоко внутри.

В конце концов, он еще совсем ребенок.

Шэнь Фан вздохнул и, протянув руку, мягко взъерошил волосы юноши:

— Не грусти, дядя поможет тебе.

— М-м... М-м... — Шэнь Цинчи, казалось, успокоился от его слов и, подчинившись жесту, слегка потерся щекой о его ладонь.

Словно котенок, лапшащийся к хозяину.

Кончики пальцев Шэнь Фана замерли.

Когда чувства Шэнь Цинчи немного улеглись, он внезапно поднял голову и посмотрел на Шэнь Фана, напряженно о чем-то размышляя. Вдруг, словно вспомнив что-то важное, он воскликнул:

— А! Дядя, мы ведь сейчас играем спектакль, да? Шэнь Фан не знал, как ход его мыслей перескочил на это, — возможно, алкоголь ударил в голову, и слова стали такими же путанными и неконтролируемыми, как и он сам.

Шэнь Цинчи, решив, что наконец-то перешел к делу, с трудом моргнув, попытаться разглядеть человека перед собой. Он отпустил лацканы пиджака Шэнь Фана и обвил руками его шею:

— Но как это делается? Дядюшка, я не умею. Ты научишь меня?

Шэнь Фан молчал.

Не получив ответа, Шэнь Цинчи решил действовать на ощупь и потянулся к пуговицам на рубашке Шэнь Фана:

— Нужно снять одежду? Мою или твою? Или нам обоим?

Шэнь Фан глубоко вдохнул и поспешно перехватил руку, которая блуждала по его телу:

— Нет, больше не нужно притворяться.

— А... почему не нужно? — Шэнь Цинчи выглядел совершенно сбитым с толку. Его глаза подернулись туманом, а в голосе послышалась обида. — Я сделал что-то не так? Прости, я правда не умею, дядюшка, научи меня, я буду старательно учиться.

— Я не это имел в виду, подожди...

— Мне так плохо... — Шэнь Цинчи сильнее притянул его за шею, заставляя наклониться, и уткнулся лбом в его плечо. — Мне не хватает воздуха, дядюшка, голова кружится, так жарко... Я что, умираю?

Обжигающее дыхание опалило кожу на шее, и Шэнь Фан вмиг окаменел. Он отчетливо слышал каждое дыхание Шэнь Цинчи — неровное, частое, похожее на двусмысленный, ритмичный барабанный бой, который настойчиво проникал прямо в слух.

Он уже хотел устранить его, но в уши снова донесся этот невнятный, словно бред, шепот:

— Не бросай меня, дядюшка... Я сделаю всё, что скажешь, я не буду тебе мешать...

Рука Шэнь Фана, уже коснувшаяся плеча парня, замерла.

В следующую секунду он почувствовал резкую боль в шее — этот маленький пьяный котенок, несущий всякую чепуху, укусил его!

Шэнь Фан затаил дыхание. Боль смешалась с влажным теплом, кожа одновременно ощутила остроту клыков и мягкость языка. Его словно пронзило разрядом тока: было одновременно больно, щекотно, сладко и волнительно.

Он с трудом сглотнул, издавая невольный, задавленный стон.

Этот Шэнь Цинчи...

Если так пойдет и дальше... он действительно не сдержится.

<http://bllate.org/book/21917/2277179>